

Про любовь

Я — влюбленная селедка,
заверни меня в газетку,
отнеси меня домой,
толстой шубою укрой.

Если кто-то бабу любит
(я слышана о том),
он сперва ей дарит шубу
(и не знаю, что потом),

шубу свеклы натуральной
с майонезом и яйцом,
с тонким луковым венчальным
обручательным кольцом.

Пусть судьба свершит над нами
свой таинственный обряд.
Я селедка икраяная,
я рожу детей в салат.

О. Г.

Воздушная тревога. И в какой
Подвал сойти со шкаликом чадящим,
Немеркнушей лампадой спиртовой?
Присядь, скрипя, в углу на старый ящик
И слушай вой. В ушах? Над головой?

В тревоге воздух. Медный купорос —
Голубизны отравная истома.
Придешь домой — воронка вместо дома,
И только ветер треплет, точно пес,
Какие-то листки из старого альбома.

Присядешь собирать — и снова этот свист.
Спуститься вниз опять? Как парковый горнист,
Остаться на посту? Пускай уже без горна.

Будь этот гипс живым, то — честен и говнист —
Он предал бы родителей позорно.

Эх, Павлик, лишь бы не было войны.
Что ж небеса гудят? Гадальных карт не трогай.
Сгрузи себя в подвал картошкой до весны.
Бог весть, чем прорастешь. Мы все заражены
Воздушно-капельной рассеянной тревогой.

Белая ромашка

В дни поздней осени, промозглой и нервной,
вороний карк злым кашлем мучит парк,
и чувствуешь себя слегка туберкулезным,
и лучший друг — то Чехов, то Ремарк.

И в графике ветвей — рентген дырявых легких,
и псы на поводках кавернами хрипят,
на вдохе-выдохе — сипение и клекот,
и продано авто, и умирает Пат!

Сестра писателей — чахоточная осень.
Не обещай мне, бедная сестра,
сна на террасе в — как его? — Давосе.
Нет, не про нас Волшебная гора.

Мы — воины. И умираний длинных —
нет не про нас! — и роскошь, и печаль.
В троллейбусе или на поле минном
нам коротко споеет железный нахтигаль.

Склонясь над койкой ржавою подвальной,
нам Флоренс Найтингейл подаст воды глоток.
О, этот кроткий ангел госпитальный! —
она и соловей,
она же и цветок.

К...

Снова, мама, ты в печали,
Снова, мама, я в бреду.
Что ли, мама, выпьем чаю
Или водки на меду.

Выпьем, бедная подружка,
Выпьем, почему бы нет?
Вот подарочная кружка —
Из Америки привет.

Мы смешаем все привычки,
Мы разделим боль и страх
И, как старые сестрички,
Отразимся в зеркалах.

Сковорода

Меж простодушным "ага" и корректным "да"
Разница есть — но не трещина, не провал.
Из-под земли философ Сковорода
Хвастался: "Мир ловил меня, но не поймал".

Много ли толку в холодной сковороде?
Мне — жаркие шкварки, смачные пузыри...
Нет аппетита в твоём никаком нигде?
Стикс тебе в помощь, выпей — не говори.

Божья коровка, певчая стрекоза, —
Я опускаюсь с доверием на ладонь.
Едем! Кондуктор, не жмите на тормоза!
Я ведь сама, сама... Не обидь, не тронь.

В салочки с миром играем? И пусть, и пусть!
Раз извернусь — но позволю себя поймать.
Рыжей лисицей в железный капкан попадусь,
Лапу себе отгрызу, но вернусь опять.
В розовых шортах трушу старушонкой седой...

Жаль одного, — что пробежка так коротка.
Вслед мне покрутят пальчиком у виска
Все, кто накрылся холодной сковородой.

Бумс!

Старенькие грабли у меня в углу
Вновь тебя ударят по крутому лбу,
Если ты опять потянешься к теплу,
Если ты захочешь изменить судьбу.

Скажешь: "Крибле, крабле..." —
"Бумс!" — ответ по лбу.
Ты же видел грабли?
Не кляни судьбу.

Шарик

1
Только в извилинах что-то — виль,
точно под ветром поплыл ковыль,
сам по себе, на себе — в ту степь,
куда нас не пускает цепь...
— *Ма-а-мочка, надуй мне шарик!*
— *Щас, я все брошу и буду тебе шарик надувать!*

Только в шевелинах что-то — шевель,
недоигравший в бутылки хмель
вверх запускает пузырь...
— *Ма-а-мочка, да надуй же мне шарик!*
— *Щас я все брошу!*
А ведь брошу, брошу...

Только в мечталинах что-то намечтано,
Лодка сколочена, мачта намечена...
— *Шарик, надуй мне шарик!*
Я надуваю шарик.

2

Шарик надут, надут, надут,
шарик по небу плывет, плывет.
Дух перевесть...
Но вот тут, вот тут,
тут оно и придет.

То есть — они, то есть — он, она,
хромоножки-заморыши, карлики-горбуны,
с недосыпу, с холоду, с бодуна,
и с лица страшны, а уж со спины...

Топчутся, кукожатся и корячатся,
странный дух от них идет — керосиновый,
и протягивают мне странные тряпочки:
красные, зеленые, синие.

— *Мамочка! Шарик!*

Раннее утро — белое-белое.
Ночью по небу прожектор шарит.
Что я делаю?
Ничего не делаю.
Я надуваю шарик.

3

Шарик по небу плывет, плывет,
шариков — целый воздушный флот,
розовый, красный и голубой,
авиапраздник — мой и не мой.
Шарики — целый воздушный флот.
Они — все выше, а я — все ниже.
Эти бы шарики — в переплет.
Ах, какие бы это были книжки,
какие книжки!

А хорошо бы смерти не бояться...

Есть некое успокоенье в том,
Что я как будто написал немало,
Что я трудился тягостным трудом,
Хоть и остался там же, у начала.

Есть некое успокоенье в том,
Что ощущал я колдовские фразы
И застывал в предчувствии пустом,
Откладывая поиск раз от разу.

Есть некое успокоенье в том,
Что смерть прервет бесплоднейшую зрелость,
Как будто бы я мог достичь потом
И большего — да просто не успелось.

"Вотще украденная тень..."
В. Набоков

Мы собирались уходить с работы,
И сослуживец подошел ко мне,
Сказал и улыбнулся: "Отчего-то
Полночи видел я тебя во сне".

Он улыбнулся вновь. И попрощался,
Дабы впервые ощутить я смог,
Что в чьей-то жизни накрепко остался
И чей-то путь случайно пересек,